

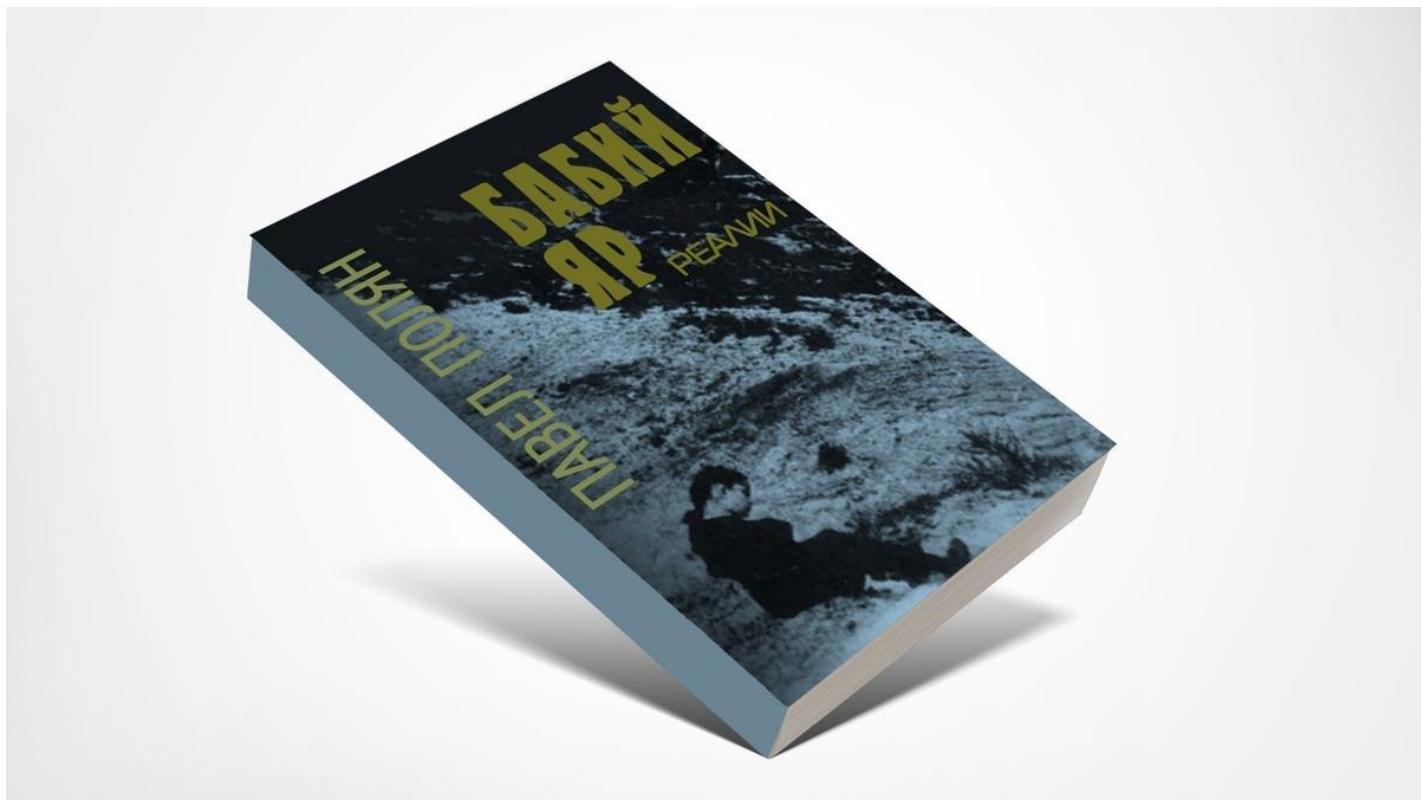

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ · КУЛЬТУРА

«Несвоевременная» книга

«Бабий Яр. Реалии» Павла Поляна — ошеломляющая работа о небанальности зла и некраткий курс историомора

Обложка книги «Бабий Яр. Реалии»

15:52, 29 ноября 2024,

Андрей Колесников*

специально для «Новой»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА.

«Овраг здесь стал узким, разветвлялся на несколько голов, и в одном месте песок стал серым. Вдруг мы поняли, что идем по человеческому пеплу». Это из «Бабьего Яра» Анатолия Кузнецова, его подцензурной версии, изданной в «Молодой гвардии» в 1967 году 150-тысячным тиражом, а до этого, в 1966-м, в трех номерах журнала «Юность», редактировал лично Борис Полевой. Для того чтобы издать полную версию своего «романа-документа», он сделал все, чтобы оказаться на Западе. «Пусть все видят, на что пригодны певцы Бабьего Яра», — записал тогда один из самых яростных националистов, черносотенцев и антисемитов Сергей Семанов. В 1970-м полная версия книги была издана в «Посеве».

«Начинаем с мертвых, кончим живыми»

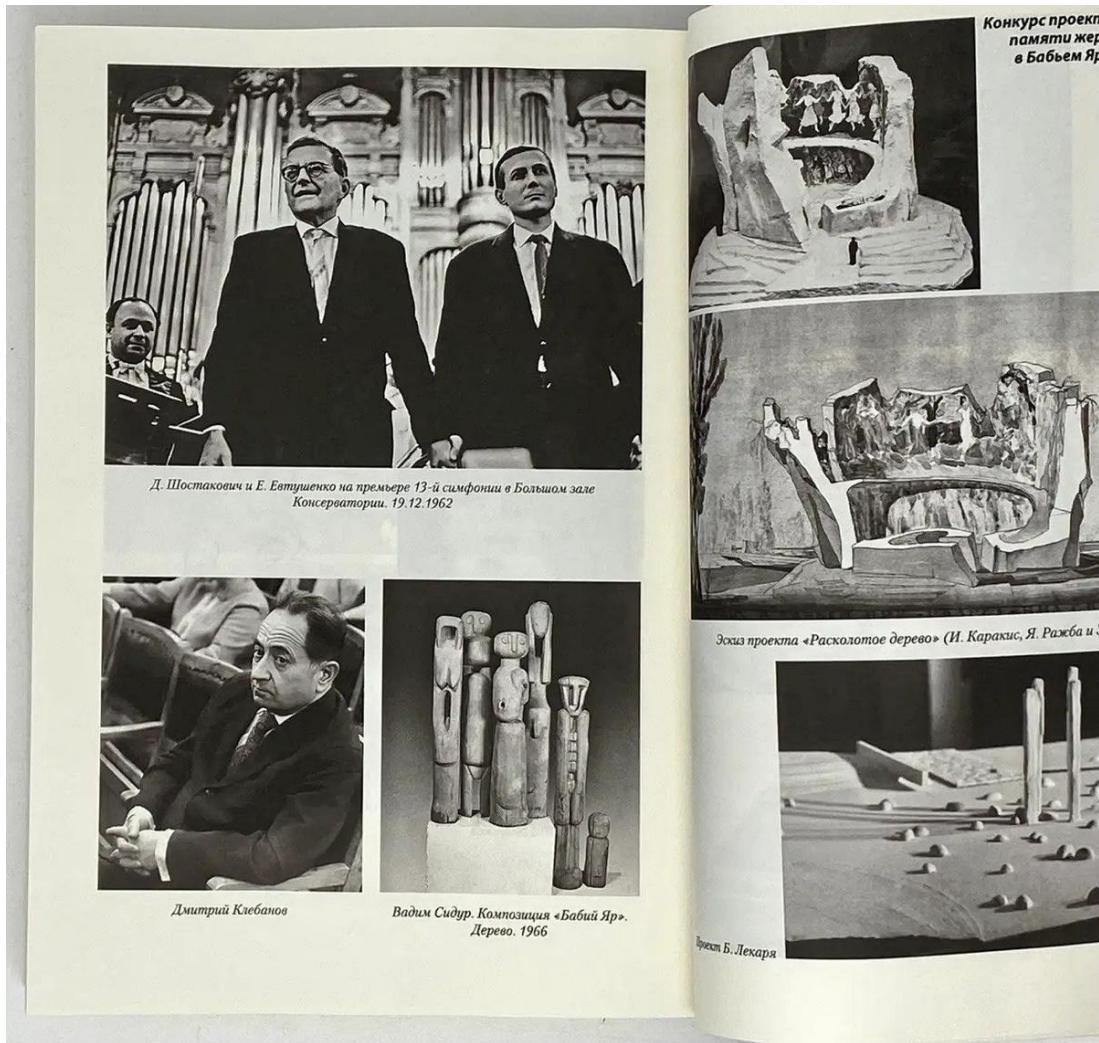
Над романом о Бабьем Яре Кузнецов, как он сам писал, начал работать в Киеве, но «не смог продолжать и уехал. Не мог спать. По ночам во сне я слышал крик... меня расстреливали в лицо, в грудь, в затылок». Так писатель отожествлял себя с жертвами Бабьего Яра, евреями города Киева, уничтоженными здесь 29–30 сентября 1941 года. Отожествлял себя не первым. Первым это сделал Евгений Евтушенко в своем знаменитом стихотворении «Бабий Яр», которое опубликовал Валерий Косолапов в «Литературке» 19 сентября 1961-го, и вокруг чего, как и вокруг

исполнения симфонии № 13 Дмитрия Шостаковича на эти стихи, было множество скандалов и цензурных хороводов. Евтушенко писал в логике «*Je suis еврей — жертва Бабьего Яра*». Но брал тему шире (в чем и была ее скандальность) — как сюжет антисемитизма в целом:

*«Я, сапогом отброшенный, бессилен.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот: «Бей жидов, спасай Россию!» —
Насилует лабазник мать мою».*

(В стыдливом цензурируемом варианте было: «Лабазник избивает мать мою».)

И была борьба, многодесятая летняя, не оконченная и по сию пору, за памятник «над Бабьим Яром», достойный памяти погибших здесь. В нее был вовлечен (чем во многом и испортил свою репутацию в глазах советской власти) Виктор Некрасов.

Фрагменты книги

Всякий раз в течение всех этих десятилетий то или иное упоминание трагедии, тот или иной проект исследования, эскиз памятника, те или иные книги, музыка, фильмы признавались несвоевременными. Несвоевременно делать акцент на том, что здесь гибли евреи, в то время как тут погибали граждане разных национальностей. Это против советского интернационализма. Не время вспоминать сейчас, когда происходит то-то и то-то. Например, Шестидневная война 1967 года. А стоит ли делать акцент на евреях, если здесь погибали и борцы за независимую украинскую государственность?

Всегда находились какие-то обстоятельства, которые, в свою очередь, противоречили самой простой памяти о почти 34 тысячах евреев,

расстрелянных всего за полтора дня.

Только за то, что эти люди были евреями. Место рекордного единовременного убийства, полпроцента Холокоста. Совсем не банальное зло.

Слова секретаря ЦК по идеологии Леонида Ильичева «Не время поднимать эту тему» — просто заголовок к проблеме восприятия трагедии Бабьего Яра в любую эпоху. Работал, как пишет Полян, «страхометр», «волшебный прибор с мелко дрожащими стрелками на шкале страхов».

Вот и теперь фундаментальная книга Павла Поляна «Бабий Яр. Реалии» увидела свет очень не вовремя. В самый разгар того, что называется конфликтом России и Украины. После того как еще до спецоперации в попытках найти новую модельувековечения памяти погибших в Бабьем Яру видели «руку Москвы», для других замысел казался чем-то вроде «Диснейленда Холокоста» (да и сам Павел Полян подробно объясняет изъяны проекта). В ситуации, когда опять не до Бабьего Яра, потому что совсем недавно были иные шокирующие события.

Но если бы из трагедии Бабьего Яра были извлечены хотя бы какие-то уроки, в том числе морального свойства, возможно, удалось бы избежать и иных трагедий? Ответа на этот внешне избыточно пафосный вопрос нет. А книга увидела свет. И стала несвоевременной, а потому вдвойне важной. Она сама как памятник. Повалить который, естественно, найдется много соблазнов.

Как оскверняли еврейские памятники на киевских кладбищах уже после войны. В 1958 году, например, вандалы, повалив на Байковом кладбище 39 памятников, оставляли надписи: «Начинаем с мертвых, кончим живыми».

Эксгумация памяти

Книга Павла Поляна, известного историка, географа, демографа и филолога, одного из самых глубоких специалистов по

творчеству Осипа Мандельштама (в этом случае он выступает под фамилией Нерлер) — и есть памятник Бабьему Яру. При всей научности и фундаментальности она — публицистична, полемична, эмоциональна и даже задириста. Павел Нерлер уже очень давно проделал столь же важную и фундаментальную работу — собрал (вместе с Сергеем Аверинцевым) и откомментировал два тома сочинений Мандельштама, увидевших свет в 1990 году. До этого был только «синий, с предисловием Дымшица» (С. Гандлевский), тоненький томик Осипа Эмильевича, готовившийся долгие годы и в течение этих же долгих лет худевший. Павел Полян столь же важную и масштабную работу проделал, исследуя все сюжеты вокруг Бабьего Яра, накопившиеся, как слои человеческой костной муки, человеческого пепла, пульпы, почвы, а также человеческих страстей и эмоций, над этим трагическим оврагом.

До «Бабьего Яра. Реалии» была собранная Поляном антология поэзии о Бабьем Яре и эссе о рецепции трагедии в литературе и искусстве — «Бабий Яр. Рефлексия» (2022, издательство «Зебра Е», Москва) и двухтомник «Овраг смерти — овраг памяти» — собрание стихов о Бабьем Яре и эссе о нем самого автора. «Бабий Яр. Реалии» издана в 2024 году в Кишиневе. Таковы реалии издательского дела... А еще был «Бабий Яр. Контекст» — очень важный документальный фильм Сергея Лозницы.

Бабий Яр, пишет Полян, это «метафорическое производство смерти и беспамятства, полигон экстерминации людей, эксгумации их трупов и последовательного удушения или недопущения памяти о них».

Бабий Яр, разбор вещей погибших. Фото: Й. Хеле

Слишком эта память ужасна. И слишком она еврейская. Воспоминания и разбор «Холокоста от пуль», каковым был Бабий Яр, провоцирует череду оценок Холокоста от газа, от лопат, от газвагенов. И все это на фоне сегодняшней нормализации антисемитизма и избирательной амнезии, поскольку «несвоевременно» напоминать о том, какие группы людей, представители каких национальностей были вовлечены в Холокост. В результате Бабий Яр давно не нужен никому, а сейчас не время даже для эксгумации памяти и политических спекуляций вокруг нее.

«Разземление» памяти

29 сентября — годовщина массового убийства. Сколько раз не согласовывали панихиды, митинги, официальные и неофициальные мероприятия, ведь нет ничего страшнее

поминовения усопших, это всегда имеет какой-то смысл — моральный, политический. В третью годовщину, в 1944-м, конечно, никакую панихиду не согласовали, люди просто сами пришли, как приходили потом десятилетиями.

«Вдруг глубоко внизу, где-то на самом дне яра, раздался какой-то истощенный нечеловеческий крик. Мы побежали на голос. Там стояла группа людей. В самом центре невысокая светловолосая молодая женщина. Она рыдала, что-то прижимая к груди.

— Лиза, Лизонька, сестричка моя! — сквозь душившие ее рыдания причитала она. В руках у нее был череп, обвитый темнорусой косой, скрепленной большим гребнем. По этой косе, по гребню с инициалами своей сестры она узнала то, что от той осталось».

Это из воспоминаний Александра Шлаена, которые приводит Павел Полян. Таких воспоминаний, свидетельств, записей, собранных в книге, — множество. Как и свидетельств осквернений еврейских кладбищ, волн вандализма, поднявшихся уже после войны. Были и погромы, в том числе в Киеве, после того как два красноармейца в сентябре 1945-го избили на улице старшего лейтенанта НКГБ Иосифа Розенштейна, а он взял да и застрелил их. В день похорон начался погром в центре Киева, причем по классическому сценарию — без всякого противодействия органов правопорядка. Когда погромщики пришли на Еврейский базар, там их встретила группа профессиональных воров, не то чтобы евреев, хотя и евреи, возможно, среди них были. Главное, что они были мрачновато настроены против погромщиков, у них

были ножи. На этом все и завершилось...

Немногочисленные останки жертв уцелели, хотя, пытаясь замести следы, гитлеровцы проделали гигантскую высокотехнологичную работу. Как и многое в немецком языке, эта акция по заметанию следов тоже имела свое специфическое название *Enterdung* — что-то вроде «разземления». Было и название у акции — «Операция 1005». Она проводилась в 1943 году не только в Бабьем Яре, но в других местах массовых казней: «...задача распадалась на стадии — восстановить на востоке места расстрела сотен тысяч евреев, эксгумировать трупы (точнее — останки), сжечь их, раздробить и размельчить не прогоревшие кости и, по возможности, избавиться от пепла».

Бабий Яр, разбор вещей погибших. Фото: Й. Хеле

«Разземление» же памяти с советской стороны начал лично Георгий Александров, начальник Агитпропа, ставший потом

известным в неформальной истории как руководитель «ансамбля ласки и пляски» (они же «гладиаторы» — от глагола «гладить»), устраивавший оргии с артистками и прочими дамами облегченного поведения. Он вычеркнул из заявления Чрезвычайной государственной комиссии о событиях в Бабьем Яре слово «евреи». В первой версии сообщения слово еще присутствовало. В той версии, которая вышла из-под пера Александрова в феврале 1944 года, никаких евреев уже не было. Был установлен золотой канон — появились «тысячи мирных советских граждан». Так «жиды города Киева» трансформировались в агитпроповский интернационал. А память начали корежить и толочь в ступе до неузнаваемости. И так десятилетиями.

«Советское ноу-хау в отрицании Холокоста, — пишет Павел Полян, — заключалось не в отрицании как таковом, а в отказе от национальной идентичности жертв во имя их интернационализации». И это делалось и делается не только в отношении истории Холокоста: «...та же идея, что Мединский и его РВИО (*Российское военно-историческое общество*. — А. К.) хотели бы сегодня навязать карельскому Сандармоху — разбить жертв Большого террора жертвами извергов-белофиннов».

Мемориализация лжи

В послевоенное время нежелательное прошлое смывала (в буквальном смысле) разрушительная сила равнодушия: было принято решение замыть овраг пульпой, смесью грунта и воды. 13 марта 1961 года Бабий Яр снова обернулся трагедией — Куреневской. Замыв превратился в размыв, и сель-убийца «сминал и погребал под собой все на своем пути, в том числе 68 жилых и 13 административно-производственных зданий, включая целое трамвайное депо!».

Есть большой соблазн увидеть в этой драме месть истории,

отчасти так оно и было, плюс инженерное головотяпство. А вот слухи по Киеву пошли: мол, это евреи мстят — им не дали поставить памятник жертвам расстрелов, и вот они «дырку проделали».

Памятник действительно часть большой темы Бабьего Яра. Еще до Евтушенко («Над Бабьим Яром памятника нет...») бороться — именно бороться — за установку достойного жертв монумента начал писатель, архитектор по образованию, киевлянин Виктор Некрасов (заботившийся и о памяти о Сталинградской битве). Тогда он еще был в чести, лауреат Сталинской премии за «Окопы Сталинграда», фронтовик, член партии, его слово многое значило. Статья его о Бабьем Яре появилась в октябре 1958-го в «Литературной газете»: «Кому это могло прийти в голову — засыпать овраг глубиной в 30 метров и на месте величайшей трагедии резвиться и играть в футбол? Нет, этого допустить нельзя!»

Дальнейшее известно, однако тоже прочно забыто. И история с Евтушенко, и сюжеты с истериками черносотенцев по поводу его стихотворения, и с премьерой симфонии № 13 Шостаковича, и с ее сложной «прокатной» судьбой, и дальнейшими усилиями Виктора Некрасова. В 1966-м, в двадцать пятую годовщину трагедии, он выступил перед традиционно собиравшимися над оврагом рыдающими людьми. «Меня же, коммуниста, — вспоминал Виктор Платонович, — вызвали на партбюро... Бог ты мой, сколько раз вспоминали мне потом этот Бабий Яр. И у бесчисленных партследователей, с которыми меня свела судьба, и на парткомиссиях, и на бюро райкомов, горкомов, обкомов». Тогда-то и началась опала Некрасова, закончившаяся обысками, семью мешками «изъятых материалов», допросами, омерзительными провокациями гэбистов, угрозами посадки и эмиграцией во Францию.

Кадр из фильма «Бабий Яр. Контекст»

Но после этого «сионистского сбираща» появился камень — предтеча будущего памятника. В 1976-м звели и собственно монумент, но ни одной фигуры, хотя бы отдаленно напоминавшей еврея или еврейку, запечатлено не было. Состоялась очередная мемориализация лжи строго в духе товарища Александрова — отделались, откупились, отработали тему. Некрасов, уже находившийся в то время в эмиграции, говорил на «Радио Свобода»** об этом монументе: «...памятник, на котором мы видим подпольщика, смело глядящего куда-то спокойно, мы видим женщину, которая олицетворение какой-то ясности, но мы не видим тех самых, того маленького еврейского мальчика или того старого еврея, старую бабушку — нет их. Мускулы, мускулы, мускулы». И тем не менее: «...памятник есть, есть куда положить цветы».

Холокост был растворен в «геноциде советского народа». Или

геноциде титульных наций. После крушения СССР началась конкуренция жертв, конкуренция памяти. Поставленная в 1991 году мемориальная менора стала соседствовать с водруженным в 1992 году ОУНовским*** крестом. И здесь мы заходим на хрупкий лед современных нарративов памяти. В сентябре 2016 года в Верховной раде выступил президент Израиля Реувен Ривлин. Смысл его выступления сводился к тому, что «нельзя прославлять и реабилитировать антисемитов» («особенно выделялись бойцы ОУН»). Разразился скандал, и снова начались поиски русского следа. Любые скандалы такого рода, естественно, всякий раз становились подарками Путину. Однако виной тому отнюдь не Реувен Ривлин, напоминавший о гибели полутора миллионов евреев на территории Украины. А потом начались скандалы со строительством грандиозного «иммерсивного» Мемориального центра Холокоста. А затем был февраль 2022-го. 1 марта в пространство Бабьего Яра прилетели шальные ракеты. Павел Полян: «...терзали единственную струну времени — историю».

Хорошо бы к случаю — опять все не вовремя! — вспомнить слова украинского литературоведа и диссидента Ивана Дзюбы, которые он произнес в сентябре 1966-го, стоя над оврагом рядом с Виктором Платоновичем Некрасовым:

«...молчание многое говорит только там, где все, что можно сказать, уже сказано. Когда же сказано еще далеко не все, когда еще ничего не сказано — тогда молчание становится сообщником неправды и несвободы».

Историоид, историомор, войны памяти, искусственные амнезии — все это повторяется, продолжается, в том числе последовательным истреблением памяти жертв сталинских

репрессий в современной России, и будет продолжаться. То ли нас еще ждет. И какие и кому памятники еще будут поставлены... Бабий Яр переживает и пережидает еще одну историческую катастрофу. А пока важно знать и помнить, что там произошло, и почему. Для того и книга «Бабий Яр. Реалии». Другого оружия, кроме книг, у подлинной истории сейчас нет

- Купить книгу Павла Поляна «**Бабий Яр. Реалии**» (Кишинев, The Historical Expertise, 2024. 628 стр.) можно на сайте echo-books.com
- Книгу «**Бабий Яр. Рефлексия**» можно приобрести на маркетплейсах Ozon.ru и Labirint.ru.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».

** Признана Минюстом РФ «иноагентом» и «нежелательной организацией», деятельность которой запрещена на территории РФ

*** Признана решением российского суда экстремистской организацией, запрещена в РФ.